

Заметив, что подвешенного под стрехой вяленого мяса, домашней колбасы и галетного печенья слегка поубавилось, Гоудань сразу понял: отец собрал гостинцев для Ли Цимэй. За ужином Ли Сы, то и дело запинаясь, сам завёл об этом разговор. Гоудань лишь коротко бросил:

— Твоё добро — тебе и решать.

Ли Сы облегчённо улыбнулся, отчего глубокие морщины на его лице разгладились.

— Вот и славно, сынок.

— Всё уладилось-то? — спросил Гоудань. — Что эти Вань говорят?

— Да божатся, что впредь будут держать его в узде, — вздохнул Ли Сы. — Сказали, распускать руки больше не позволят. А если что, мы сами можем прийти в деревню Ваньцзя и проучить Вань Чэнцая, и никто из его родни слова против не пикнет.

Гоудань лишь презрительно фыркнул про себя. Пустые сказки для самоуспокоения, разве человеческий нрав так легко исправить? Всё это — лишь дежурные отговорки с обеих сторон, лишь бы поскорее замять дело. Да и как иначе? Побой уже нанесены, детей мал мала меньше нарожали, а Ли Цимэй всё равно в конце концов вернётся к мужу. Вот и прикрыли срам фиговым листком, чтобы и дальше жить в притворстве.

Ли Сы, напротив, выглядел довольным. Ему казалось, что сын не так уж и недолюбливает свою младшую тётку. Все эти дни, пусть без особого тепла, но на её расспросы Гоудань неизменно отвечал. Сам парень и не догадывался о мыслях отца. Он лишь предупредил, что через пару дней уезжает обратно на учёбу.

Ли Сы помрачнел, расставаться не хотелось. Впрочем, к разлукам ему было не привыкать: ещё со средней школы сын жил в интернате, домой приезжал раз-два в месяц, а на каникулах постоянно пропадал по делам. С тех пор как Гоудань уехал учиться, времени вместе они проводили совсем мало.

На этот раз багаж уезжающих был на удивление скромным — никаких громоздких тюков и сумок, как в прошлый раз. Вместе с Гоуданем и Ван Сюанем в столицу отправлялись Дафу и Иньтоу. Провожать их на станцию пришли Ли Сы, Цичжи и родственники новоиспечённых работников. Цичжи учился ближе, поэтому его отъезд всегда откладывался на пару дней позже остальных.

Гоудань перед посадкой многословить не стал. Лишь обнял отца и негромко наказал не экономить на себе, добавив, что обустройством жилья они с Ван Сюанем займутся сами, как только устроятся на месте.

Дафу и Иньтоу перед дальней дорогой в столицу пребывали в смятении: радость мешалась с

глухой тревогой. Всю дорогу они без умолку сыпали вопросами. Когда Гоудань устал отвечать, эстафету перехватывал Ван Сюань. Больше всего парней пугала неизвестность — справятся ли, не останутся ли без куска хлеба? Гоудань успокоил их, объяснив, что на первых порах они будут просто помогать по хозяйству. Жалованье — двадцать юаней в месяц, жильё и питание за счёт заведения. А дальше всё зависит от их собственного усердия.

— В этой лавке есть и моя доля, так что трудитесь на совесть, — строго добавил Гоудань. — Спускать рукава не позволяю, по знакомству поблажек не будет.

Услышав, что их друг — совладелец дела, парни подобрались ещё сильнее. В глубине души каждый поклялся выложиться без остатка, лишь бы не осрамить Гоуданя перед партнёрами. Ведь вытащить их из глуши в столицу стоило огромных трудов. Сейчас в деревне рабочих рук хватало с избытком, работы на всех не находилось, и денег у людей не водилось вовсе. Те немногие, кто пытался податься на заработки в посёлок или уездный город, упирались в закрытые двери — без связей туда было не пробиться.

А если кому и везло устроиться, то на самую тяжёлую, грошовую подёнщину — таскать камни да ворочать мешки на пристани. Да и такую каторгу получал далеко не каждый. В многодетных семьях частенько ложились спать впроголодь, хлебная пустой жидкий отвар, а из одежды donaшивали ветхое рубище. Кругом почти все жили в такой беспросветной нужде, что со временем люди просто переставали замечать собственную нищету.

Когда поезд миновал провинциальный центр с его бурлящей, шумной жизнью, Дафу и Иньтоу показалось, будто они перешагнули порог иного мира. Оба в своё время окончили неполную среднюю школу, что по деревенским меркам считалось отличным образованием. Но какая от этого польза в глуши, где некому предложить им достойное дело?

Гоудань рассудил здраво: если ребята проявят себя с лучшей стороны, из них выйдут верные, надёжные помощники. Оставлять способных парней киснуть в колхозе было бы глупостью, а рабочих рук на новом месте катастрофически не хватало. Планы на весну у него были расписаны буквально по дням.

Если в дороге деревенские парни ещё храбрились и без умолку расспрашивали обо всём на свете, то по прибытии в столицу их словно подменили. Придавленные величием огромного города, они притихли, робко жались друг к другу и боялись ступить лишний шаг, совершенно не понимая, как себя вести и куда деть руки.

Гоудань заранее озадачил Чжан Хэна поисками подходящего жилья под рабочее общежитие. Квартирный вопрос в столице стоял остро, но при должной сноровке всегда можно было найти тех, у кого пустовали лишние квадратные метры. Главными условиями были близость к лавке и достаточный простор. На излишества Гоудань не претендовал — подошёл бы любой крепкий дом.

Дав хозяевам денёк перевести дух после дороги, Чжан Хэн явился с докладом. Не откладывая дело в долгий ящик, Гоудань вместе с Ван Сюанем отправились осмотреть предложенный

вариант.

— Похоже, пора выкроить время и выучиться на права, — вздохнул Гоудань. — Надоело зависеть от чужих капризов.

Раньше их частенько выручал Су Хэвэн, но этот тип отличался на редкость заносчивым нравом, да и мастер Цинь в последнее время закрутил гайки, отказываясь выделять казённый бензин на личные поездки.

— На двух колёсах тоже неплохо, — с улыбкой отозвался Ван Сюань.

Они с Гоуданем катили на велосипедах, привезённых из родной деревни, а на багажниках позади них устроились Дафу и Иньтоу, исходившие завистью при виде столь роскошного по сельским меркам транспорта.

В деревне Гоудань нет-нет да и одалживал велосипед у знакомых, стесняясь просить его у отца. На этот раз он решил забрать технику с собой, оформив доставку через почтовое отделение.

Чжан Хэн вежливо поздоровался и сразу перешёл к делу:

— Место просторное, босс, хотя и изрядно запущенное. В остальном порядок: перестелить часть черепицы на крыше, побелить стены — и можно жить. Зато из-за ветхости хозяева просят сущие копейки.

— Что за постройка? Обычный барак-тунцзилоу или частный сектор?

— Небольшой сыхэюань самовольной застройки. Во времена смуты его изрядно потрепало, туда заселили кучу постороннего люда. Лишь пару лет назад усадьбу вернули законным владельцам.

Чжан Хэн вкратце обрисовал непростую судьбу дома. Гоудань в подробности столичного коммунального быта прошлых лет особо не вникал, поэтому слушал внимательно, мотая на ус.

— Тут в основном живут старожилы. Раньше вокруг дома был пустырь, но потом его хаотично застроили лачугами.

Действительно, взгляду предстала пёстрая картина из тесно прижатых друг к другу старых и новых пристроек. После того как последние временные жильцы выехали, усадьбу окончательно вернули хозяевам. Гоудань и Ван Сюань углубились в узкий, петляющий переулок. Из какой-то двери выплеснули помой. Местная канализация давно забилась грязью и илом, отчего мыльная жижа со свистом вырывалась наружу, затапливая мостовую. На морозе грязная вода застывала уродливыми бурыми пластами льда.

— По весне тут будет каша, а уж летом вонища поднимется — хоть святых выноси, — поморщился Ван Сюань.

— Согласен, приятного мало. Но поблизости ничего приличного за такие деньги просто нет.

Гоудань мысленно согласился с ним. В столице сейчас яблоку негде было упасть: семьи теснились в крошечных каморках, и найти свободное, а тем более комфортное жильё для приезжих казалось задачей из разряда невыполнимых.

Лишь в подобных усадьбах, когда-то реквизированных властями и наспех возвращённых уцелевшим наследникам, можно было снять угол. Потеряв в лихолетье почти всех близких и оставшись без средств к существованию, несчастные владельцы цеплялись за любую возможность выручить хоть какую-то копейку.

Чжан Хэн негромко постучал в деревянную калитку. Спустя минуту засов звякнул, и на пороге появился худой, желтолицый паренёк в застиранной, плохо сидевшей куртке.

— Мы насчёт аренды. Вчера договаривались с тётушкой Лю, — пояснил Чжан Хэн.

Парень молча смерил визитёров хмурым взглядом, развернулся и ушёл вглубь двора, оставив дверь приоткрытой.

Гости не обиделись на такое гостеприимство. Приподняв велосипеды, они аккуратно перекатили их через высокий порог во внутренний дворик.

— С этой стороны живут хозяева, — вполборота пояснил Чжан Хэн, указывая рукой. — А под общежитие нам отдают западный флигель.

Двор выглядел сиротливо и пусто. Кое-где из земли торчали остатки снесённых перегородок и сараев.

— Тётушка Лю! Мы пришли осмотреться! — зычно крикнул Чжан Хэн с чистейшим пекинским выговором.

Из дома навстречу им не спеша вышла сухонькая старушка лет шестидесяти с аккуратно уложенными седыми волосами. Несмотря на явную бедность и измождённый вид, держалась она с достоинством, а её простая одежда отличалась безупречной чистотой. Строгое, открытое лицо обрамляла гладкая причёска без единой выбившейся пряди.

— И вправду решились? — недоверчиво прищурилась старушка. — Стены-то закопчённые, рамы рассохлись, крыша светится. Сами латать будете?

— Будем, — кивнул Гоудань. — Если сойдёмся в цене и подпишем договор на долгий срок. Иначе затевать ремонт нам не с руки.

— Что ж, логично. Проходите, глядите, — смягчилась хозяйка.

— Дом-то на веках строили, лес отборный брали, — с лёгкой грустью добавила тётушка Лю. — Думали когда-то объединить его с соседским садом... Да сада уж давно нет. Но за качество ручаюсь. Если возьмётесь за ум и почините тут всё, я готова уступить в цене.

Гоудань поднял голову и посмотрел на потолок: сквозь прорехи в кровле действительно сиротливо пробивались блёклые лучи солнца. Крышу венчала старинная, массивная глиняная черепица.

— Такую древнюю черепицу нынче днём с огнём не сыщешь, верно? — подметил он.

Старушка на мгновение замялась:

— Твоя правда, редкость. Но я знаю одного человека, у него найдётся пара сотен штук. Только вот... — Она замолчала, давая понять, что покупка обойдётся недешево.

— Двери под замену, стёкла на окнах побиты... Да и матовое стекло сейчас дефицит, — продолжал придирчиво загибать пальцы Гоудань.

Он методично обходил комнаты, указывая на каждый изъян. Тётушка Лю не спорила и послушно кивала, соглашаясь со всеми замечаниями. Гоудань украдкой приглядывался к ней. Несмотря на суровый вид и печать глубокой нищеты, в её осанке и манере говорить чувствовалась редкая для нынешнего времени порядочность. Никаких увёрток, никакого бабьего визга и попыток выдать желаемое за действительное.

«С такой иметь дело можно», — подумал он. За время их короткого разговора стало ясно: перед ними не типичная базарная торговка, привыкшая причитать, плакаться на судьбу и выгадывать каждую кроху. На все указанные дефекты пожилая женщина реагировала спокойно и с достоинством, признавая очевидное без лишних препирательств.

— По рукам, мы берём флигель, — подытожил Гоудань. — Но уговор закрепим бумагой с подписями. Согласны?

— Отчего же нет? Давайте подпишем, — легко согласилась старушка.

Её практичность была понятна: усадьба разваливалась, денег на ремонт у семьи не было, а жить на что-то надо. Будь помещения в порядке, их бы оторвали с руками. А раз эти молодые люди готовы вложиться в восстановление жилья, грех упускать выгоду. В конце концов, усадьба останется её наследникам, а отремонтированный дом — неплохое подспорье для

внуков.

Раз пришли к согласию, дело пошло быстрее. Гоудань тут же распределил обязанности: Чжан Хэну поручил нанять мастеров по рекомендации тётушки Лю, а также заказать двухъярусные железные кровати, какие обычно ставят в студенческих общежитиях. Так они и место сэкономят, и лишних трат избегут.

Штат их небольшого предприятия насчитывал уже десять человек: восемь парней и две девушки. В их распоряжении было четыре комнаты. Две из них отвели под мужское крыло — по четыре человека в каждой. Двух девушек временно поселили в третьей, с расчётом на будущее расширение женского коллектива. Последнюю же комнату Гоудань решил придержать для себя и Ван Сюаня на случай, если придётся заночевать поблизости от работы.

Оставив Дафу и Инью на попечение Чжан Хэна, чтобы те пообвыклись в городе, Гоудань и Ван Сюань поспешили в университет. Сегодня был последний день регистрации на семестр. К их облегчению, у стоек приёмной комиссии оказалось пусто, и они без проволочек уладили все формальности.

— Ты что, все каникулы на плацу провёл? — удивлённо спросил Гоудань, встретив в коридоре Чэн Шу.

Тот выглядел измождённым и сильно осунулся. Удивительное дело: обычно после домашних праздников студенты возвращаются румяными да округлившимися, а этот словно из шахты выбрался.

— Вроде того, — вяло буркнул Чэн Шу, явно не желая вдаваться в подробности.

Гоудань не стал лезть в душу. Он лишь в общих чертах изложил их план действий на ближайшие месяцы и протянул папку с финансовым отчётом. Точно такую же копию он уже отправил почтой Сяо Цяню.

Попрощавшись с компаньоном, Гоудань отправился на поиски Ван Сюаня. Из-за предпраздничной суеты они толком не общались почти две недели. На днях Ван Сюань обмолвился, что записался с однокурсниками на какие-то бальные танцы. Гоудань в этих западных новшествах мало что смыслил, но радовался уже тому, что его друг наконец-то вылез из-за книг и начал хоть немного двигаться.

Вот так, никуда не торопясь, бродить по тенистым аллеям кампуса... С тех пор как они затеяли бизнес, подобные минуты покоя стали непозволительной роскошью. Впрочем, долго прохладиться на улице не хотелось — мороз кусал за щёки. Гоудань подышал на озябшие ладони, растёр их и решительным шагом направился к учебному корпусу, который ему указали соседи Ван Сюаня по комнате.